

ОТ РЕДАКЦИИ

В очередных трех томах «Литературного наследства» публикуются новые архивные материалы, относящиеся к жизни и деятельности Александра Ивановича Герцена и Николая Платоновича Огарева. Настоящим изданием редакция продолжает свою давно начатую работу по собиранию документального наследия этих выдающихся деятелей революционной России (см. «Лит. наследство», тт. 7-8, 39-40 и 41-42).

В настоящем томе, так же как и в двух последующих, публикуются материалы, главным образом, из так называемой «пражской коллекции» Герцена и Огарева, хранящейся в Центральном государственном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства СССР (Москва) в составе фондов «Русского заграничного исторического архива». Эта драгоценная для русского народа коллекция была принесена в дар Академии Наук СССР правительством Чехословацкой республики в 1945 г., после того как Советская Армия разгромила фашистскую Германию и освободила Прагу.

В основе своей «пражская коллекция» состоит из отдельных, поступивших в нее в разное время частей архива Герцена. Архив этот претерпел множество злоключений.

После смерти Герцена его документальное наследие хранилось у сына его, Александра Александровича Герцена (1839—1906) — профессора физиологии сначала (с 1877 г.) во Флоренции, а затем (с 1881 г.) в Лозанне. Вместе с герценовским архивом хранились и огаревские бумаги. В 1877 г., после смерти Огарева, архив пополнился новыми материалами. Их привезла из Гринвича старшая дочь Герцена, Наталья Александровна, едущая на похороны Огарева. Пополнилось собрание и новыми герценовскими документами. А. А. Герцен сосредоточил в архиве большую часть семейной переписки своего отца и некоторое количество писем Герцена, хранившихся у наследников тех, кому они были адресованы. Кроме того, в архив поступила обширная серия герценовских писем к М. К. Рейхель.

В целом, однако, история архива более чем за шестидесятилетнее пребывание его у старших детей Герцена оказалась историей постепенного распада. Из документального наследия Герцена было произведено несколько изъятий.

По просьбе наследников Прудона им были возвращены его письма к Герцену. Аналогичная судьба постигла письма Саффи и Луи Блана. Неведомо куда девался хранившийся в семейном архиве альбом адресованных Герцену писем «известных современников». В этот альбом, сделанный самим Герценом, были вклеены подлинники писем Кошута, Клапки, Фрейлиграта, Джемса Фази, Карла Шурца, Торэ, Карлейля и др. Уже в двадцатые или тридцатые годы нашего века перешла в чьи-то руки часть драгоценных рукописей «Былого и дум». Не перечисляя других изъятий, произведенных из архива Герцена, укажем на два наиболее крупных.

А. А. Герцен считал, что литературное наследие его отца, так же как и Огарева, является национальным достоянием русского народа и не должно остаться на чужбине. Выполняя свой патриотический долг, А. А. Герцен с девятидесяти годов прошлого века и до середины девятисотых годов передавал документы герценовского архива в Румянцевский музей в Москве. Однако передать собрание полностью было невозможно. В архиве хранились не только литературные и биографические материалы — в нем было немало документов, относящихся к революционному движению в России, к русской политической эмиграции. Открыть доступ ко всем этим документам царским властям было бы более чем неосторожно.

В 1881 г., сразу же после переезда А. А. Герцена в Лозанну, к нему обратился живший в ту пору в Женеве М. П. Драгоманов с предложением начать широкую публикацию материалов из архива Герцена. Согласие было получено, и вскоре А. А. Герцен передал Драгоманову значительную часть архива. «Мы решились, — сообщал Драгоманов, — напечатать по мере возможности и средств большую коллекцию писем разных лиц к А. И. Герцену и Н. П. Огареву с начала их эмиграции и до смерти их». Осуществляя этот замысел, Драгоманов опубликовал в 1881—1883 гг. в жевевском «Вольном слове», редактировавшемся им с № 37, некоторые письма И. Аксакова, Громеки, Мельгунова, Чичерина и др. и подготовил к печати две крупные эпистолярные серии: письма Кавелина и Тургенева к Герцену и письма Вакунина к Герцену и Огареву. Обе книги были напечатаны в Женеве — в 1892 и 1896 гг. Последняя книга вышла в свет уже после смерти Драгоманова. Он умер в 1895 г. в Болгарии, где

с 1889 г. занимал кафедру всеобщей истории в Софийском университете. Подлинники некоторых писем, опубликованных Драгомановым, вернулись к сыну Герцена и были переданы им в Румянцевский музей (письма И. С. Аксакова, К. Д. Кавелина, А. И. Кошелева, Ю. Ф. Самарина и Б. Н. Чичерина). Другая и большая часть архива Герцена, перевезенная из Лозанны в Софию, к наследникам не вернулась; она осталась у дочери Драгоманова — Л. М. Драгомановой, вышедшей впоследствии замуж за И. Шишманова — болгарского буржуазного историка.

Дальнейшие сведения о судьбе материалов, оставшихся у Драгоманова, относятся уже к послеоктябрьской эпохе. В 1918 г. Шишманов, занявший по отношению к молодой советской республике резко враждебную позицию, ездил в Киев в качестве болгарского посланника при Скоропадском. Он захватил с собой зачет-то (вместе с украинскими материалами из архива Драгоманова) и некоторые бумаги герценовского архива. Имеются сведения, что обратно в Софию эти бумаги не возвратились. Они либо погибли, либо были забыты в Киеве. В 1932 г. Шишманов умер. В том же году его вдова, Л. М. Драгоманова-Шишманова, передала архив своего отца в один из институтов в Варшаве, а находившееся в архиве собрание бумаг Герцена и Огарева продала в «Русский заграничный исторический архив» в Праге. При этом разбивка материалов была произведена недостаточно тщательно и какие-то рукописи Герцена и Огарева попали в Варшаву, где, вероятно, и погибли во время войны.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что в 1932 г. в Прагу попали не все материалы, полученные Драгомановым. Но в основном собрание сохранилось. И теперь, когда перевезенное в составе «пражской коллекции» в Москву, оно впервые стало доступным для изучения, выяснилось, что сын Герцена передал Драгоманову в восьмидесятых годах, помимо писем разных лиц к Герцену и Огареву, значительное количество других рукописных, а также печатных материалов. Среди этих материалов оказались рукописи самих Герцена и Огарева. Рукописей Герцена было сравнительно немного: автографы нескольких статей и заметок 1867—1868 гг. и черновики писем. Рукописей Огарева было больше. Среди них находились, в частности, три записные книжки, которые содержали в себе, кроме стихотворений, такие важные материалы, как публикуемые в настоящем томе конспиративные революционные документы и начало огаревской автобиографии.

Другая половина «пражской коллекции» образовалась из той части архива Герцена, которая оставалась в Лозанне и хранилась после смерти А. А. Герцена в 1906 г. у Натальи Александровны. О предполагаемом содержании этого собрания, обычно именуемого «Архивом семьи Герцена», и о его объеме ходило много преувеличенных слухов и легенд. Главным источником слухов явились, повидимому, вводящие исследователей в заблуждение ссылки на «Архив семьи Герцена» (АСГ) в издании Лемке. В письме к Н. А. Герцен от 31 декабря 1913 г. Лемке спрашивал ее: «Как бы Вы предпочли указывать место нахождения оригинала тех бумаг и писем, которых копии я от Вас или других членов семьи получил? Я не имею точного указания, у кого они: у Вас, Н(иколая) А(лександровича), М-ше Терезы или Ольги» А(лександровны)? да не думаю, чтобы это было хорошо для читателя. Гораздо солиднее, если говорить: „хранится в семье Герцена“, или „у детей Герцена“, или „в семейных бумагах Герцена“. Выберите и мне сообщите, я должен придерживаться единой формы». Подсказанная Лемке «единая форма» скрыла от науки местонахождение многих рукописей Герцена и вместе с тем внушила исследователям ложную уверенность, что все эти рукописи находятся в Лозанне, у Н. А. Герцен. В действительности подлинники многих текстов, опубликованных Лемке со ссылкой на АСГ, находились в руках других родственников Герцена и были рассеяны по многим городам Западной Европы.

Н. А. Герцен умерла в 1936 г. в Лозанне (в возрасте 92 лет). А весной 1937 г. в Тосканский дворец в Праге, где помещался «Русский заграничный исторический архив», были доставлены ящики, в которых находились бумаги и семейные реликвии, оставшиеся после старшей дочери Герцена. Все материалы поступили, как обозначено в инвентаре архива, от Ольги Моно (младшей дочери Герцена) и Шарля Риста (ее зятя).

Собрание, поступившее в Прагу, не было монолитным. Оно состояло из нескольких частей: 1. Остатков собственного архива Герцена (рукописи, биографические документы); 2. Собранной уже после смерти Герцена обширной коллекции его писем к детям (Александру, Наталье и Ольге) и писем к Мальвине Мейзенбург о воспитании детей; 3. Коллекции писем шестидесятых годов Герцена к Огареву; 4. Бумаг Н. А. Герцена; 5. Архива Н. А. Герцен-дочери; 6. Архива М. К. Рейхель; 7. Рукописей Бакунина, разных писем к Н. А. Тучковой-Огаревой и другим лицам из окружения Герцена и Огарева и 8. Коллекции портретов, фотографий и семейных реликвий.

Главная ценность собрания заключалась в рукописях Герцена; их оказалось свыше двухсот листов. Еще более богатой оказалась эпистолярная часть собрания; она включала сотни писем Герцена, в том числе большое количество неизданных.

Настоящие три тома «Литературного наследства» включают в себя, естественно, не все бумаги «пражской коллекции». Редакцией отобраны документы, представляющие в том или ином отношении существенный интерес для изучения идейного пути, творчества и биографии Герцена и Огарева. Остальные материалы этого обширного

собрания используются в обзорах, аннотациях, архивных и библиографических описаниях. Таким образом, все главные богатства «пражской коллекции» будут, так или иначе, обнародованы.

Документальные материалы, отобранные для печати в «пражской коллекции» и в других архивохранилищах, расположены редакцией следующим образом:

Первый том (№ 61) — произведения и письма Герцена и Огарева.

Второй том (№ 62) — письма разных лиц к Герцену и Огареву.

Третий том (№ 63) — бумаги редакции «Колокола»; биографические документы; материалы, относящиеся к Герцену и Огареву в фондах III Отделения и архива Министерства иностранных дел; сообщения, обзоры, описания.

Входящие в первый том рукописи Герцена относятся к 1830—1860 гг., т. е. охватывают *весь* период его литературной деятельности. Вместе с тем они представляют и *все* жанры, в которых писал Герцен: автобиография, беллетристика, публицистика.

Герценовский отдел открывается тремя автобиографическими сочинениями 1830-х годов. Позднейшее автобиографическое творчество Герцена представлено двумя отрывками из «Былого и дум» и французской рукописью — «Посвящение (Николаю Огареву)», также связанной со знаменитыми мемуарами. Авторизованная рукопись повести 1847—1851 гг. «Долг прежде всего», считавшаяся утраченной, дает возможность впервые воспроизвести по подлиннику полную редакцию одного из наиболее ярких произведений русской антикрепостнической литературы середины XIX века.

Острым документом борьбы Герцена против космополитических теорий западноевропейских, в частности французских буржуазных демократов, против нигилистического пренебрежения к национальной культуре, которое они проповедывали, является относящаяся к пятидесятым годам сатира-памфлет «Перейдем к панчеволчеству».

Не меньшей публицистической остротой и злободневностью отличается другая герценовская рукопись середины пятидесятих годов. В этой незаконченной статье без названия, которую мы печатаем под условным заглавием «О буржуазной Европе», автор «Писем из Avenue Marigny» с большой силой и сатирическим блеском критикует современный ему буржуазный мир — его политику, мораль, культуру.

Критике капиталистических общественных порядков, разоблачению лицемерия буржуазной лжедемократии посвящены вновь найденные главы известных произведений шестидесятых годов «*Camicia rossa*» и «Скуки ради».

Среди других рукописей шестидесятых годов печатаются набросок «Двояродный братец», представляющий интерес для изучения взаимоотношений Герцена и Чернышевского, запись «О старости и смерти», раскрывающая, несмотря на свою краткость, новые стороны глубоких теоретических обобщений, сделанных в области естествознания автором «Писем об изучении природы», листовка «Нашим польским братьям» и др.

Особенно важна завершающая герценовский отдел публикация, посвященная знаменитым письмам «К старому товарищу». До сих пор мы не располагали проверенным, критически установленным текстом этого выдающегося памятника русской революционной мысли, гениально разъясненного Лениным. Подлинники писем считались утраченными. Теперь они обнаружены в «пражской коллекции» вместе с некоторыми другими материалами, относящимися к истории возникновения этого полемикального цикла. Вновь найденные материалы позволили впервые документально установить текст последней авторской редакции писем «К старому товарищу», а также опубликовать неизвестные ранее варианты основного текста и отрывки из писем в их первоначальной редакции, в том числе начало статьи «Между старичками».

Существенные дополнения вносят публикации первого тома в эпистолярное наследие Герцена. Всего в томе печатается 130 новых герценовских писем. Среди них выделяются две крупные, первоклассные по своему значению серии: 65 писем к Рейхель и 52 письма к Огареву. Письма к Рейхель, относящиеся к 1850—1852 гг., к периоду семейной драмы, являются важным автокомментарием к пятой части «Былого и дум», подтверждая глубочайшую правдивость герценовского рассказа. Письма эти имеют и особую ценность: читая их, убеждаешься, что, несмотря на глубокое потрясение, порожденное семейной драмой, мысль Герцена-борца крепла и закалялась, что еще в 1852 г. он пришел к решению «начать агитацию об освобождении крестьян» и в тяжкую пору испытаний написал о себе: «Да, я останусь до конца жизни той же движущейся революционной натурой, *sempre in motu* (всегда в движении)...» Письма к Огареву 1864—1870 гг., кроме двух писем, более ранних, в основном освещают историю последних лет «Колокола», отношения Герцена и Огарева к «молодой эмиграции» и поиски ими новых путей борьбы. Для изучения последнего периода деятельности Герцена публикуемые письма являются незаменимым источником.

Помимо того, в настоящем томе печатается группа писем Герцена к разным лицам. Большой интерес представляет письмо к Шепкину 1847 г., содержащее, в сущности, план «Писем из Avenue Marigny». Для характеристики общих политических позиций Герцена в период Крымской войны существенно важен его ответ (1855 г.) неизвестному польскому эмигранту. Герцен указывает здесь, что опираться в борьбе с царизмом на какое-либо сотрудничество с неприятелем он считает для русских революционеров недопустимым. Он убежден, что Россия и все славянские народы завоюют

себе свободу своими собственными руками. Письма к иностранным деятелям — Прудону, Карлейлю, Кэри и др., входящие в этот отдел, — новые яркие свидетельства международного значения и авторитета Герцена.

Во втором отделе первого тома публикуются разнообразные материалы из политического, публицистического и поэтического наследия Огарева. В значительной степени все эти публикации сосредоточены вокруг революционной деятельности друга и соратника Герцена. Выдающийся интерес для исследователей русского революционного движения конца пятидесятых — начала шестидесятых годов представляют пять программно-политических документов, принадлежащих перу Огарева. Новые материалы дают возможность ознакомиться с конспиративной деятельностью русских «революционеров 1861-го года» (Ленин), с созданной ими революционной организацией и с их планами открытого выступления. Большую ценность имеет «Моя исповедь» Огарева — документ первостепенной важности для изучения раннего этапа идейно-политического развития как Огарева, так и Герцена.

Богато и разнообразно представлены публицистика и поэзия Огарева. Особенно интересны новоявленные агитационно-политические произведения Огарева, связанные непосредственно с его практической революционной работой.

Что касается эпистолярного наследия Огарева, то в первом томе публикуется 95 его писем, в том числе две большие серии: письма к Герцену (41 письмо) и письма к Е. В. Салиас (28 писем). Особенно интересны письма Огарева к Е. В. Салиас, относящиеся к шестидесятым годам. Огарев противопоставляет здесь политически враждебной ему идеологии свои революционные взгляды. Он выражает непоколебимую веру в будущую революционную Россию и заявляет, что посреди реакционной завесы в Европе его «спасает... убеждение в возможности развития основ русской жизни в сильный строй новой цивилизации». «Если у нас явится Пугачев, — пишет он, — то я пойду к нему в адъютанты, потому что я... ненавижу русское дворянство, которое пошло, подло и неразрывно связано с русским правительством». Интересны также письма Огарева к другим корреспондентам, особенно к Н. В. Альбертини, Д. С. Миллю и Дж. Маццини.

Помимо документальных материалов, статей и комментариев, в первом томе печатаются две библиографические работы: «Неуценные публикации писем Герцена» и «Материалы для библиографии опубликованных писем Огарева».

Передача «пражской коллекции» Академией Наук СССР сильно продвинула вперед дело собрания и объединения документального наследия Герцена и Огарева. Однако собрано далеко не все; документы разбросаны по всему свету и не поддаются полному учету. Мы так и не знаем, например, какова судьба тех почти двухсот автографов Герцена (главным образом эпистолярных), которые в середине 1930-х гг. распродавались в западноевропейских антикварных фирмах. Неизвестно, сохранились ли письма Герцена к Луи Блану и Маццини, находившиеся еще накануне второй мировой войны в руках их наследников. Никогда, по существу, не предпринимались серьезные поиски архива «Колокола» (лондонский период), хотя Наталья Александровна и указывала в 1913 г., что архив этот должен был сохраниться «где-то в Англии». Не разысканы многие ранние рукописи Герцена, в том числе поступившая в семидесятые годы в распоряжение Т. П. Пассек тетрадь, содержащая «университетскую часть» «Записок одного молодого человека». Не обследованы архивохранилища в Западной Европе и Америке, хотя известно, что, например, в Британском музее в Лондоне хранится в подлиннике более ста неизвестных писем Герцена к Георгу Гервегу. Не выявлены полностью статьи Герцена в иностранной периодической печати, хотя установлены названия нескольких изданий, в которых его статьи печатались.

Таким образом, считать литературное наследие Герцена, а также Огарева в полной мере собранным или, хотя бы, учтенным — все еще нельзя. Нужно надеяться, что предпринятое Академией Наук СССР новое издание сочинений и писем Герцена позволит советским ученым добиться успехов и в области дальнейшего разыскания документов, связанных с жизнью, деятельностью и творчеством великого русского революционера-демократа. Публикуемые в «Литературном наследстве» материалы из «пражской коллекции» и других архивных собраний не только непосредственно пополняют известное до сих пор документальное наследие Герцена и Огарева, но и содержат много новых и важных указаний для дальнейших поисков.

В иллюстративном оформлении издания использованы материалы сохраненного Н. А. Герцен и вошедшего в «пражскую коллекцию» собрания дагерротипов, акварелей, рисунков, фотографий и книг.

В выявлении и подготовке к печати документов «пражской коллекции» принимала участие Ю. П. Дз а г у р о в а, ст. научный сотрудник ЦГАОР; ею же, в основном, выполнены предварительная систематизация и описание материалов. Кроме того, в подготовке к печати материалов «пражской коллекции» участвовали ст. научный сотрудник ЦГАОР А. В. К у з ю к о в а и заведующая читальным залом Е. С. Ф р я з и н о в а.